

М.А. Буланакова

Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции

Буланакова Мария Александровна, ассистент кафедры всеобщей истории ЯГПУ

Наиболее широкое влияние в феодальной среде церковный брак стал играть с середины XII в. Утверждение христианской идеологии в сфере брачных отношений базировалось, с одной стороны, на признании того, что институт брака существует для подчинения женщины мужчине, а мужчина наделен законными правами на обладание женщиной, и с другой стороны - на представлении о том, что брак является необходимым условием социального порядка. Брак, как элемент существующей феодальной системы, был призван способствовать ее консолидации, укреплению порядка взаимных обязательств, призван обеспечивать длительное существование социальных структур. По замечанию Ж.Дюби, брак содействовал стабильности власти и собственности (1).

Отношение знати к браку в этот период определялось практическими целями продолжения рода, укрепления материальных позиций, повышения престижа и безопасности линияжа. Брак рассматривался как средство политической стратегии родового объединения в системе феодальных связей. С точки зрения духовенства, брак как социальный институт способствовал регламентации отношений между полами в соответствии с принципами христианской морали, укреплявшей традицию подавления сексуальности, глубокого размежевания чувства сексуальной удовлетворенности в браке и чувства любви между супругами.

Высокие требования и ожидания в сфере брачной политики со стороны феодальной знати, жесткие моральные стереотипы, насаждаемые церковной пропагандой, а также связанное с этим противостояние идеальной модели брачного союза и реальных жизненных условий, в которых существовала супружеская пара, способствовали подъему психологической напряженности в рамках церковного брака (2). Дисбаланс в отношениях между полами официальная идеология пыталась разрешить путем закрепления за женщиной и мужчиной определенных социальных ролей, а также путем формирования ценностных стереотипов в восприятии полами друг друга.

Понимание роли женщины было неоднозначным: с одной стороны, в контексте общекультурных ценностей, она являлась носителем отрицательных качеств, представляя негативный полюс ценностной иерархии христианского мира, сочетая в себе источник бедствий для мужчины и прибежище дьявольских сил, с другой стороны женщина, находясь в зависимости от мужчины, являлась его помощницей, выполняла функцию матери или же сохраняла себя для служения Богу, оставаясь девственницей.

Антифеминистская направленность религиозной пропаганды XII-XIII вв. способствовала формированию и закреплению бытовавшей в средневековом обществе женоненавистнической традиции. Наиболее яркие и устойчивые негативные стереотипы в восприятии женщины были обязаны своим происхождением периоду борьбы за утверждение церковного брака. Современница Столетней войны, одна из первых сторонниц женского равноправия Кристина Пизанская неоднократно обращается к примерам XII-XIII вв., разъясняя наиболее типичные заблуждения по поводу женской природы, выявляя истоки антифеминизма как в прошлом, так и в современности. Ее "Книга "О граде женском" является результатом переосмысления традиционного толкования соотношения полов и роли

женщины в социальной среде. Рассуждая о сотворении женщины, писательница критикует антифеминистскую по сути церковную идеологию предыдущих столетий. Кристина придает своей позиции онтологическое звучание, обращаясь к проблеме творения, она постулирует: образ Бога запечатлен не в теле, а в душе человека, и "Бог сотворил совершенно одинаковые, равно благие и благородные души для мужского и женского тела" (3). Участница Судов Любви и куртуазных прений, Кристина Пизанская опровергает религиозные основы женоненавистнической практики, кристаллизованные ранее в сводах канонического права, подобных широко известным Декреталиям североитальянского юриста Грациана.

Негативный образ женщины, сотканный из низменных желаний, уродливых черт характера, противоречивости и порочности женской натуры, был создан средневековьем в соответствии с традицией жесткой субординации между мужчиной и женщиной. В Своде Грациана женщина трактовалась как существо низшее и зависимое от мужчины. Поскольку она не была создана по образу Бога, то, следовательно, не была способна действовать самостоятельно, не обладала властным авторитетом и правоспособностью как мужчина. Сотворенный по образу и подобию Бога, он изначально обладал гарантиями более высокого статуса и превосходства над женским началом. Женщина же, напротив, оставалась незащищенной, ее положение в обществе определялось исключительно посредством ограничений и запретов. Социальная активность женщины ограничивалась властью мужчины, которому она была обязана служить по установлениям канонического права. Женщина "не может учить, выступать свидетелем в суде и гарантом в сделках, она не имеет права заседать в суде..." (4).

Преломление канонических стереотипов сквозь призму жизненных реалий привело к складыванию нарицательного женского образа, одобренного характерными для времени эпитетами "буря в доме", "ненасытное животное", "препятствие к исполнению обязанностей" (5). Моральные и бытовые характеристики женщин, представленные в нарративной традиции XII-XIII вв.: городской повести, сборниках коротких рассказов, предназначенных для включения в проповедь и др., построены на перечислении женских пороков, их осуждении и осмеянии. Лживая женоушка из новеллино Мазуччо о "волшебных штанах", необузданно упрямая молодая жена из фавлю о "стриженом" луге, распутная монашенка из сборника проповедей Жака де Витри и многие другие образы вполне адекватно отражают общекультурные представления о женщине средневековья.

Чрезмерность черной краски в характеристиках женщин наводит на размышление об истоках столь явной и неприкрытой агрессии. Кристина Пизанская видит причины нападок на женщин, с одной стороны, в добрых намерениях служителей церкви, поступающих так, чтобы отвратить заблудших мужчин от падших женщин, с другой, - в недостатках и изъянах самих мужчин, которые путем агрессии в адрес женщин пытаются скрыть собственные комплексы (6). Критика в адрес мужчин-женоненавистников со стороны куртуазной сочинительницы позволяет выделить основные условия, способствовавшие рождению антифеминистского мифа средневековья, воспринятого последующими эпохами. Во-первых, в рамках ментальных представлений мужской мир средневековья выстраивал женский образ в соответствии со шкалой мужских достоинств, что сразу приводило к несостоятельности женщины. И, во-вторых, женщина, включенная в систему социальных связей на правах подчинения мужчине, была скована в своей социальной активности условиями сеньориально-феодальной системы. Роль женщины в наиболее значительных сферах жизни общества была минимальна, что делало ее более доступной для морализирующей критики как со стороны церкви, так и со стороны мирян.

Образ средневековой женщины, деформированный в сторону негативного полюса, образ некоего морального монстра, поддерживался и развивался в сознании современников на протяжении XII-XIII вв. параллельно с эпизодически возрастающим престижем женщины в феодальной среде. Истоки повышения статуса женщины французский историк Р.Фоссье связывает с укреплением сеньориальной системы. Феодальная революция XI в. способствовала улучшению экономических условий жизни общества, укреплению таких социальных и хозяйственных ячеек, как "дом", "деревня", "приход", "община", что привело к закреплению за женщиной ряда ключевых хозяйственных и культурных функций: "ведение дома", непосредственное распоряжение питанием семьи и обеспечение ее одеждой, воспитание малых детей, культ умерших предков, сохранение родовых реликвий, поддержание в семье необходимого морально-психологического континуума. Вызывающая демонстрация

мужского превосходства в этих условиях, по мнению Р.Фоссье, скрывала в реальности "матриархат" (7).

Параллельно с расширением хозяйственно-экономических функций, повышением статуса женщины в домохозяйственной сфере, за ней закрепляются престижные общекультурные функции, которые признавались достойными уважения и почитания. Прежде всего это положительные ролевые функции матери или страдающей девственницы. Социализация и сакрализация основных ролевых функций женщины происходит, в основном, благодаря становлению церковного брака. Таинство брака и культ Девы Марии становятся своеобразной охранной грамотой как для замужней женщины, так и для девственницы Христовой Невесты. При этом отрицательный женский образ выступает лишь как средство регулирования, регламентации и подавления проявлений женской социокультурной автономии. Критические оценки женщины воспринимаются как ответная реакция на повышение ее социального статуса, возможность принизить значимость домохозяйственной сферы, в которой женщина получила наиболее высокие права и, прежде всего, возможность хозяйственно-административного управления и воспитания детей. В контексте социальной структуры антифеминистская пропаганда сдерживала проникновение женщины в привилегированно мужские сферы социальной активности, в такие как политика, религия, юрисдикция (8). По версии одного средневекового фарса, подобная ситуация была бы также нелепа, как если бы мужчина рожал, а женщина воевала.

В условиях социокультурной дискриминации более широкие социальные перспективы имела женщина знатного происхождения, что обеспечивалось господствующим положением землевладельческой и военной аристократии. На примерах жизнеописаний знатных женщин Алиеноры Аквитанской (1122-1204), св.Иды (1040-1113), Адели Шартрской (1061-1137), Марии Вентадорнской (ум.1222) можно обнаружить те социальные реалии, в которых проявлялись наиболее заметные изменения в статусе женщины. Эти героини исторических хроник, житийной литературы, провансальской поэзии трубадуров разрушают официальные представления о допустимой социальной активности женщины в феодальном обществе.

Ж.Дюби в статье "Матрона и незамужняя женщина" выделяет наиболее типичные черты статуса знатной дамы: происхождение, нравственность, красота, равный брак. Ведущее место среди этих качеств занимает "титул рода" (9). Власть и богатство, основные атрибуты дворянства, гарантировали женщине этого круга почтительное отношение со стороны общества и возможность активно влиять на окружающих. Однако не каждая знатная женщина могла подобно Алиеноре Аквитанской участвовать в крестовом походе, управлять королевством на правах регента и опекуна, возглавлять восстание против собственного мужа, устраивать браки детей. Полнота привилегий женщины зависела от той ступеньки феодальной иерархии, которую занимал ее муж, отец или сын. Авторитет мужчины, авторитет рода являлись той благотворной средой, в которой формировалась социокультурная автономия женщины. В этом ракурсе становятся более понятными действия графини Адели по отношению к собственному мужу Стефану Шартрскому (10). Дочь Вильгельма Завоевателя Адель не признала действия супруга достойными чести их семьи, обвинила его в трусости и требовала до конца исполнить религиозный долг крестоносца, так как Стефан, будучи участником первого крестового похода, покинул военный лагерь. После чего реальной угрозой для семьи Стефана Шартрского стало отлучение папы Урбана II и осуждение со стороны общества. Защищая престиж семьи, Адель настойчиво убеждала мужа вернуться в Святую Землю. По словам Ордрика Виталия: "Она говорила ему: "Вспомни о рвении, которым ты был известен в молодости, и возьми оружие славного рыцарства ради спасения многих, так, чтобы во всем мире возликовали христиане..." (11). "Спасение многих" обернулось бы спасением семьи, спасением престижа наследников, спасением авторитета самой Адели. И только гибель Стефана в одной из последующих крестоносных экспедиций полностью оправдала его род в глазах современников.

Конфликт одной из самых блестящих супружеских пар в Западной Европе XII в. ярко иллюстрирует возможность влияния знатной женщины в вопросах морали, долга, родовой чести. Адель, защищая авторитет семьи, собственный статус, вступает в противоречие с мужем и, более того, оказывает решающее влияние на его окончательный выбор. Графиня Шартрская придерживается общепринятых взглядов на долг крестоносца, защищает принципы официальной идеологии.

С.И.Лучицкая, на основе анализа материалов исторических хроник, приводит широкий спектр данных о деятельности графини после смерти мужа. Поступки графини подтверждают широ-

ту ее влияния в феодальной Европе XII в.: она вступает в конфликт с епископом Ивом Шартрским и выигрывает судебную тяжбу, пытается урегулировать конфликт английской короны и Ансельма Кентерберийского, ведет переписку с признанными авторитетами католического мира. Она разрушает общепринятые представления о способностях женщины, активно вмешивается в сферы политического, социально-экономического управления. Нетипичный с точки зрения общекультурных установок средневековья образ графини Шартрской во многом становится стандартным с признанием ее зависимости от авторитета отца и мужа, поскольку социальные перспективы знатной женщины оставались в сфере влияния глав феодальных родов.

Поведение знатной женщины в обществе прогнозировалось в соответствии с теми положительными функциями, которые приписывались ей в рамках церковной идеологии. Стандартный набор качеств высоко нравственной знатной женщины распространялся с целью унификации социального поведения и утверждения контроля церковных институтов над его различными формами. Жизнеописание св. Иды, которое анализирует Ж. Дюби в своей статье "Матрона и незамужняя женщина", построено на системном развитии положительного облика знатной женщины. Общие контуры биографии Иды соответствуют ожидаемому и одобряемому типу социальной активности представительниц высших кругов общества. Положительный образ выстраивается вокруг идеи субординации, подчинения женщины главе рода. Так, Ида уступает решению родителей, соглашаясь на брак. В семье она предана мужу, находится с ним в согласии и следует его воле. После смерти мужа Ида переходит под авторитет и защиту старшего сына и лишь с "его разрешения, по его совету и при его помощи покровительствует монашескому движению, способствует развитию церковного строительства" (12). В жизнеописании этой святой неоднократно утверждается идея зависимости женщины в рамках семейно-родовых связей, что соответствует общекультурным стереотипам феодального общества в восприятии женщины.

Не менее значимой характеристикой женского образа является представление о целомудрии замужней женщины и ее детородной функции. Наличие мужского потомства возвышает женщину, очищают ее природу. Заслуги сыновей Иды Готфрида Бульонского и Балдуина во многом способствовали закреплению репутации святой за женщиной, которая не была ни ревностным аскетом, ни фанатичным сторонником бедности, которая являлась действительно счастливой женой и матерью. Функция деторождения и воспитания потомства составляла престиж женщины, являлась гарантией ее высокого статуса не только в семье, но и в обществе, а также была реальной возможностью возвышения женщины в системе социальных связей. Одновременно с этим, Плодовитость, освященная Богом и востребованная феодальными родами, служила оправданием женской сексуальности. Критика и разоблачения дьявольской сущности женского тела составляла сердцевину антифеминистской пропаганды средневековья. В связи с этим, в ходе утверждения церковной модели брака проводились попытки размежевания представлений о женской сексуальности как источнике зла и женском теле как источнике деторождения.

В Своде канонического права при характеристике брака и сексуальных отношений на один уровень по значимости Грациан помещает понятия: Верность, Плодовитость, Таинство. Это три створа или три основания хорошего брака. Брак, построенный на этих принципах, достоин прощения в День Страшного Суда. В Своде Грациана устанавливаются основные принципы сексуальной жизни: воздержание и бесстрастность. "В супружеском сексе одобряется воздержанность и вызывает отвращение супружеская измена, противоестественное совокупление или же избыток страсти..." (13). Такое представление о браке закономерно приводило к противоречиям и двойственности в семейном положении женщины. Ее подчиненность мужу земному, плотскому рассматривалась лишь как элемент ее подчинения мужу небесному, духовному. Бог представлялся как собственник души и тела женщины, а муж являлся арендатором ее тела, как указал Ж. Дюби, феодальным арендатором. Бог был единственным объектом духовной привязанности женщины в браке. При этом чувство любви женщины признавалось лишь в качестве сублимированного переживания в сфере духовного, спиритуального. Для плотского же брака было допустимо лишь чувство почтительной привязанности и удовольствия, но не любви.

Условность и зыбкость данной теории, компромиссный характер церковного брака нередко приводили к крайнему толкованию супружеских обязанностей, что вызывало негативную реакцию со

стороны общества в форме осуждения или осмеяния. Порицались как безмерная страстность, чувственность в браке, так и отказ от супружеских обязанностей.

Примером экстремального, крайнего понимания супружеского долга может служить история супружеских отношений графа Балдуина VI Фландрского (14). Противоречивость и странность поведения знатной супружеской пары состояли не в том, что молодожены, вступив в брак, сохраняли целомудрие. Супруга графа Мария после брачной церемонии закрылась в монастыре, отказавшись от выполнения супружеских обязанностей, а Балдуин, признавая выбор жены, сохранял ей супружескую верность, но в большей степени в том, что они предпочли аскетический образ жизни возможности чувственного удовлетворения, признанного церковным браком. Балдуин, будущий император Латинской империи, получил репутацию странного и нелепого. Его поведение было нетипично и неприемлемо для средневековой цивилизации мужчин, культивировавшей чувство превосходства и агрессии по отношению к женщине.

Достоинством внимания и поощрения был путь куртуазной игры. Куртуазия выступала действенным регулятором внебрачных отношений и компенсировала противоречивость чувственного и духовного в рамках церковного брака. Более того, куртуазные отношения, признанные в феодальной среде, включали отдельные ценности церковного брака. В трактате "О любви" Андрея Капеллана, широко известном сочинении второй половины XII в., подобные вкрапления проявляются более чем наглядно. Сама логика составления трактата от восхваления любви к Прекрасной Даме до осуждения пороков женщин служит доказательством представлений о ролевой взаимодополняемости куртуазии и супружеских отношений. В "Правилах Любви", по замечанию В.А.Блонина, отражены предписания, которые "в какой-то мере характерны и для брачных норм" (15).

Несомненно, что при сопоставлении ценностей супружеских и куртуазных отношений в официальной идеологии средневекового общества преимущество отдается церковному браку, поскольку куртуазия является лишь продолжением или восполнением брачных отношений. Андрей Капеллан представляет в трактате, написанном куртуазным языком, ценности церковного брака. Автор систематического изложения правил куртуазии дает более высокую социальную оценку брачным отношениям (16). Брак является критерием принадлежности к определенному социальному кругу, это союз равных и достойных друг друга партнеров (Правило 11), одновременно, брак это модель, образец для характеристики взаимоотношения полов, своеобразный критерий в понимании характера и значимости куртуазных отношений. Первое правило любви допускает сосуществование супружеских отношений и любви вне брака, при этом брак не является причиной отказа от куртуазной любви.

"Правила" определяют характер куртуазных отношений, демонстрируя отрицательные стороны любовной связи в сопоставлении с брачными отношениями. Любовь непостоянное, изменчивое чувство, которое легко исчезает (правила 4, 13, 17, 19). Напротив, представления о браке связаны с идеей о его нерасторжимости. Чувство любви губительно для любовника, единственным источником его помыслов и деяний является предмет страсти, что приводит на путь ревности, зависимости, невоздержанности, бессмысленного отказа от комфорта (правила 2, 15, 16, 20-28). В то время как брачные отношения, регулируемые не страстью, а принципом воздержания и строгого разграничения чувственного и духовного, приводят к богоугодному образу жизни, даруют гармонию и стабильность существования. Куртуазии действительно сложно конкурировать с брачными канонами, но она выступает как регулятор отношения полов вне брака. Стержнем куртуазных отношений является любовная игра, отсутствующая в браке. Позитивный аспект "Правил Любви", представленных Андреем Капелланом, выражается в построении основных принципов куртуазных отношений, которые, возникнув в форме игры, предполагали взаимодействие двух миров, мужского и женского, взаимодействие по установленным правилам. В куртуазной игре Дама наделялась правами сеньора, за ней признавалась свобода выбора отношений с миром мужчин, включая дружбу и эротические связи.

Однако в общекультурном контексте женщина по отношению к мужчине оставалась в подчиненном и приниженном положении. Куртуазные правила допускали включение женщины в мужскую игру в качестве посредника между феодальным сеньором, как правило супругом Дамы, и его вассалом, как правило молодым рыцарем. Куртуазия, по мнению Ж.Дюби, являлась своеобразной школой вассалитета, в которой женщина выступала наставником для молодого рыцаря в освоении азов вассальной верности (17). Подобная расстановка сил позволяла женщине оказывать влияние на мужской мир (хотя бы в куртуазной сфере) посредством наиболее престижных в феодальном обществе вас-

сально-ленных отношений. Не случайно Мария Вентадорнская в ходе куртуазных прений с известным трубадуром, каноником Ги д'Юсселем отстаивала идею феодальной зависимости рыцаря от своей Дамы (18).

Идеалы вассальной верности, утверждавшиеся в поэтической традиции трубадуров, тесно переплетались с эротическими идеалами времени. Плотские устремления любовников в куртуазной игре покрывались завесой тайны, выносились на периферию отношений мужчины и женщины. Наградой за службу признавалась благосклонность Дамы, невинные знаки внимания. Но стимулом для развития куртуазных отношений оставалась возможная, а часто и обязательная любовная связь (19). Манипулирование эротическими символами наряду с ментальными стереотипами вассально-ленных отношений придавали куртуазии особую значимость в феодальной среде. Любовная игра рассматривалась как средство социальной идентификации. Утонченная любовь или любовь как искусство, как особая наука была атрибутом представителя высших сословий.

Куртуазия предполагала совершенно новый культурный тип отношений между полами. В системе этих отношений женщина получила возможность выйти из своего приниженого состояния (20). Однако в контексте развития феодальных отношений статус женщины не претерпел каких-либо значительных изменений. Общекультурные негативные оценки женщины в матримониальной среде были заимствованы церковным браком и тиражировались антифеминистской пропагандой. Положительный женский образ, закрепившийся благодаря сакрализации брачных отношений и повышению хозяйственно-экономического статуса женщины, был необходимой идеальной конструкцией для моделирования поведения женщин. Соответственно положительные и отрицательные стереотипы в восприятии женщины способствовали как формированию, так и регламентации ее социальной активности в рамках церковного брака и феодальной системы отношений в целом.

Примечания

1. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France? // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994, p.34.
2. Бессмертный Ю.Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII-XIII вв. // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.
3. Кристина Пизанская. Книга о "Граде женском" // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С.228.
4. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. A History of their own. Vol. 1. Penguin Books, 1988, p. 191-192, 280.
5. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С.257.
6. Кристина Пизанская. Книга о "Граде женском" // Пятнадцать радостей брака. М., 1991. С.221.
7. Цит. по: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С.100-101.
8. Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. Вып.57. 1994. С.134.
9. Duby G. The Matron and the Mismarried Women // Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994, p.39.
10. См.: Лучицкая С.И. Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в. // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996.
11. Цит. по: Лучицкая С.И. Указ. соч. С.146.
12. Duby G. The Matron and the Mismarried Women, p.41.
13. Цит. по: Bonnie S. Anderson, Judith P. Zinsser. Op. cit., p. 137-138. 14. Duby G. What do we Know about Love in Twelfth-Century France?, p. 27-32.
15. Блонин В.А. Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII века // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. М., 1996. С.163.
16. Андрей Капеллан. О любви // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С.383-401.

17. DUBY G. On Courtly Love // DUBY G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, 1994, p.62.

18. Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 119-120.

19. Подробно о теории куртуазных отношений в поэтической традиции трубадуров Прованса: Фридман Р.А. "Кодекс" и "законы" куртуазного служения Даме в любовной лирике трубадуров // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т.34. Вып.2. М., 1966; Шишмарев В.Ф. К истории любовных теорий романского средневековья // Шишмарев В.Ф. Избранные статьи: Французская литература. М., 1965. С.191-270.

20. Человек в истории. 1970. М., 1970. С.70.